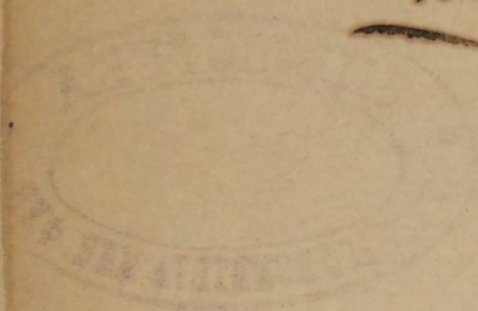

16411.

Pyramid coll.
1800, 1A

1888
11, 888
11, 888

16411.

К

Русская ш.

1898, IX

19/18

Эронкин А.

Земля и фабрика.

За послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса, указывающіе на измѣненіе условій и характера русскаго народнаго хозяйства; говорятъ, что русскому земледѣлію пришла пора считаться съ разрастающеюся областью фабрично-заводской промышленности, суммой своихъ колоссальныхъ оборотовъ съ избыткомъ покрывающей всю совокупность земледѣльческихъ произведеній; что земледѣльская Россія по міровымъ законамъ экономическаго развитія народнаго хозяйства должна уступить первенствующее значеніе Россіи промышленной.

Если признать это положеніе безспорнымъ, то, конечно, нельзя не прійти къ заключенію о бесполезности и тщетности какихъ бы то ни было искусственныхъ мѣропріятій къ поддержанію и развитію русскаго земледѣлія, силою вещей обреченнаго на постепенное вымираніе: страну, вступившую въ стадію промышленнаго производства, было бы неблагоприятно задерживать въ ея естественномъ ростѣ и подрывать основы ея будущаго экономическаго могущества привилегіями земледѣлію въ ущербъ фабрично-заводской промышленности. Посмотримъ однако, насколько вѣрно и безспорно основное положеніе объ измѣнившемся характерѣ нашего народнаго хозяйства; для этого прежде всего обратимся къ выясненію степени участія различныхъ классовъ населенія и различныхъ объектов обложенія въ пополненіи государственныхъ и общественныхъ налоговъ. Эта точка зрѣнія дастъ намъ ключъ и укажетъ наивѣрнѣйшій путь къ выясненію истиннаго положенія какъ государственнаго, такъ и народнаго хозяйства.

По принятой классификаціи, вся совокупность нашихъ государственныхъ доходовъ распредѣляется на налоги прямые и косвенные, пошлины, правительственныя регаліи, казенныя имущества и разныя поступленія *). Въ настоящей статьѣ для насъ представляютъ интересъ размѣры государственнаго обложенія прямыми и косвенными налогами, какъ въ виду того, что совокупность этихъ налоговъ представляетъ собой большую половину

*) См. росписи государств. доходовъ.

всѣхъ государственныхъ доходовъ, такъ главнымъ образомъ потому, что прочіе виды доходовъ, каковы регалии, домены и разныя поступления, имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ податнымъ вопросамъ даннаго государства, опредѣляя, такъ сказать, ту сумму недобора въ государственномъ бюджетѣ, которая въ видѣ налоговъ подлежитъ разверсткѣ между отдѣльными платежными группами и единицами. Правда, связь между доходностью государственныхъ имуществъ и размѣрами прямого и косвеннаго обложенія крѣпка и самый вопросъ животрепещущъ; но въ настоящемъ случаѣ наша задача состоитъ лишь въ выясненіи распредѣленія налоговой тягости между отдѣльными группами платежныхъ единицъ при данныхъ условіяхъ государственнаго и народнаго хозяйства.

Въ принятой классификаціи государственныхъ доходовъ необходимо лишь одно измѣненіе, а именно причисленіе выкупныхъ платежей къ группѣ прямыхъ налоговъ. Перестановка эта нисколько не измѣнитъ самой сущности классификаціи, такъ какъ выкупные платежи по конструкціи своей носятъ всѣ характерные признаки прямыхъ налоговъ: они принудительны, они обязательны для плательщиковъ независимо отъ дѣйствительной доходности облагаемаго имущества; они поражаютъ не столько объектъ (надѣлы) сколько субъектъ обложенія (сельское общество). Однимъ словомъ, если выкупные платежи и имѣютъ какую-либо связь или сходство съ платежами по гипотечному кредиту, то связь эта чрезвычайно отдаленная; имъ гораздо болѣе родственна конструкція прямыхъ налоговъ. Что касается отдѣла о пошлинахъ, то этотъ видъ государственныхъ доходовъ мы также оставимъ въ сторонѣ главнымъ образомъ въ виду самой конструкціи пошлинъ, зависящихъ, какъ извѣстно, отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, нисколько не связанныхъ съ вопросами о налогообеспособности производительныхъ экономическихъ силъ страны, какъ, напримеръ, открытіе наслѣдства, обращеніе къ судебной власти и проч.

По официальнымъ даннымъ, разработаннымъ г. Антроповымъ въ *Финансово-Статистическомъ Атласѣ Россіи*, изданіе 1898 года, за десятилѣтіе 1885—1895 гг., видно, что за указанный періодъ въ среднемъ большая половина нашего государственнаго бюджета состоитъ изъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, а именно:

1. Налогъ поземельный съ город. недвиж. имущ. и подати	37 ¹ / ₂	милл. р.
2. Сборъ съ торговли и промысловъ	33 ¹ / ₂	» »
3. Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ . . .	12	» »

Косвенные налоги.

1. Питейный доходъ	256	милл. р.
2. Табачный доходъ	28	» »
3. Сахарный доходъ	26 ¹ / ₂	» »
4. Нефтяной и спичечный.	15	» »
5. Таможенный доходъ	107 ¹ / ₂	» »

Прибавляя сюда же 93 милліона рублей выкупныхъ платежей, получаемъ общую сумму прямыхъ и косвенныхъ налоговъ въ 609 мил. руб. изъ 923 мил. руб. слишкомъ всего бюджета.

Самаго бѣглаго взгляда на приведенныя цифры достаточно, чтобы увидать, гдѣ покоится главная тяжесть прямого обложенія: торгово-промышленныя предпріятія отъ своихъ колоссальныхъ оборотовъ и барышей не щедро надѣляютъ государственную казну. Г. Антроповъ не выдѣляетъ въ особую картограмму обложеніе городскихъ недвижимыхъ имуществъ; изъ приложенія же къ росписямъ государственныхъ доходовъ по департаменту окладныхъ сборовъ, отдѣлъ I, ст. 3-я видно, что налогъ этотъ въ абсолютной цифрѣ не великъ и исчисленъ, наприм., за 1897 годъ лишь въ суммѣ 9½ мил. руб. Вся остальная сумма ст. 1-й прямыхъ налоговъ исключительно падаетъ на доходы поземельные, ибо, очевидно, различные виды подати: оброчной, кибиточной и пр., представляя собой лишь остатки переживаній, рано или поздно неминуемо должны быть преобразованы и могутъ быть замѣнены только налогомъ поземельнымъ.

Въ упомянутомъ уже нами *Финансово-Статистическомъ Атласѣ* г. Антропова обороты всѣхъ торгово-промышленныхъ предпріятій по Россіи опредѣлены въ 8 милліардовъ рублей слишкомъ. Цифра эта однако является неточной, такъ какъ сюда не включены еще обороты акціонерныхъ предпріятій. Гораздо вѣрнѣе представляется намъ цифра оборотовъ, опредѣляемая въ сборникѣ *Вся Россія*, изд. 1897 года, въ 10 милліардовъ рублей слишкомъ, такъ какъ въ эту цифру включены обороты акціонерныхъ предпріятій; источникомъ же для обѣихъ этихъ цифръ послужили одни и тѣ же матеріалы, собранные отъ уѣздныхъ и губернскихъ податныхъ присутствій. Такимъ образомъ, принимая эту послѣднюю цифру, мы видимъ, что податной процентъ по отношенію къ цѣнности объекта обложенія не превышаетъ 0,33. Въ дѣйствительности процентъ этотъ еще ниже: обороты торгово-промышленныхъ предпріятій, опредѣляемые податными присутствіями для раскладки дополнительнаго сбора, далеко не соответствуютъ дѣйствительности, отчасти въ силу вполне понятной тенденціи членовъ податныхъ присутствій—мѣстныхъ торговцевъ—къ сокрытію и къ пониженію истинныхъ оборотовъ торгово-промышленныхъ предпріятій, отчасти же и вслѣдствіе того, что не всѣ торговыя предпріятія входятъ въ раскладку, такъ, наприм., мелкія (выбирающія билеты мелочнаго торговаго промысла 3-го разряда) совершенно освобождены закономъ отъ раскладочнаго сбора и не подлежатъ учету мѣстныхъ податныхъ присутствій.

Намъ могутъ указать, что нашъ пріемъ вычисленія податного процента неточенъ: «Возможно ли принимать за мѣрило исчисленія налоговъ общую цѣнность облагаемаго объекта? Чистая доходность имущества—вотъ единственное основаніе и мѣрило для исчисленія прямыхъ налоговъ». И, конечно, возраженіе это будетъ справедливо: ни одинъ торговецъ, ни одинъ фабрикантъ и заводчикъ не рискнетъ помѣстить свои капиталы въ такое

торговое или промышленное предприятие, которое сулило бы ему 4% чистого дохода, чѣмъ довольствуются, наприм., владельцы денежных капиталовъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ при нашихъ исчисленіяхъ обращаться къ чистой доходности имущества, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ достаточно обоснованнаго матеріала, который вполне точно выяснялъ бы намъ чистую доходность земли по всей Имперіи. Въ *Трудахъ* министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ о сборѣ урожая за 1896 годъ сдѣланъ подсчетъ средняго урожая за пятилѣтіе 1891—1895 гг. По этому подсчету оказывается, что въ среднемъ по Европейской Россіи ежегодно собирается зерна и картофеля на сумму 1.452 милліона рублей, считая пудъ зерновыхъ 50 коп. и пудъ картофеля 10 коп. *). Еслибы мы остановились на этой цифрѣ доходовъ поземельной собственности, то въ своихъ вычисленіяхъ мы впади бы въ грубую ошибку: каждому, кто знакомъ сколько-нибудь съ сельскимъ хозяйствомъ, хорошо извѣстно, что однимъ доходомъ отъ продажи зерна не покроются даже издержки производства; дѣйствительный доходъ сельскаго хозяина и земледѣльца складывается изъ совокупности доходовъ отъ множества предметовъ, входящихъ въ составъ хозяйствъ, какъ-то: продуктовъ огородовъ и садовъ, скотоводства, кормовыхъ растений и проч. Учесть доходы эти по всей территоріи Европейской Россіи съ точностью по отсутствію правильной статистики сельскаго хозяйства, конечно, не представляется возможнымъ; учесть этотъ можетъ быть лишь приблизительно, причемъ по имѣющимся у насъ даннымъ онъ будетъ обоснованъ на хозяйствѣ крестьянскомъ, составляющемъ около одной трети всей земельной площади Россіи. Въ изслѣдованіи Ф. Щербины *О крестьянскихъ бюджетахъ* приведена таблица статей прихода средняго крестьянскаго хозяйства, выраженная въ процентномъ отношеніи ко всему бюджету **).

Если мы примемъ за основную, исходную точку вычисленій поземельныхъ доходовъ сборъ зерна, мы увидимъ, что совокупность остальныхъ сельско-хозяйственныхъ доходовъ даетъ отъ 99% до 129% зернового дохода (а именно: кормовые продукты 40—52%, скотоводство 50—59%, огороды и сады 9—18%). Чтобы избѣжать упрека въ уменьшеніи поземельныхъ доходовъ, будемъ принимать для нашихъ вычисленій высшую

*) Выпускъ VII, стр. 112 и 113: озимыхъ — 1.239.719,500 пудовъ; яровыхъ — 1.445.244,300 пудовъ и картофеля — 1.095.695,500 пудовъ.

**) *Сборникъ Минист. Финанс. „Вліяніе урожаевъ“, т. II, стр. 43:*

	Сѣв. Россія.	Юж. Россія.
1. Отъ зерна	31,4	33,6
2. Отъ сѣна, соломы и половы .	16,3	13,3
3. Отъ огородовъ и садовъ	3,1	6,2
4. Отъ скотоводства	15,8	19,8
5. Отъ промысловъ	20,4	14,1
6. Отъ разныхъ статей	13	13
	100%	100%

доходность переименованныхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній въ 129% зернового дохода, т.-е. около 1,735½ миллионѣвъ рублей, что вмѣстѣ съ доходомъ отъ зерна составитъ 3.081 миллионѣвъ рублей.

Безспорно, подобный пріемъ вычисленія валовой доходности поземельной собственности даетъ лишь приблизительную цифру; но за неимѣніемъ болѣе точныхъ и подробныхъ статистическихъ данныхъ остановимся на ней, тѣмъ болѣе, что эта цифра если и отклоняется отъ дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ превышая ее, что не можетъ помѣшать, какъ увидимъ, дальнѣйшей нашей работѣ.

По отношенію къ вычисленной нами цифрѣ годовой производительности земледѣлія 14½ миллионѣвъ рублей государственнаго поземельнаго налога (по росписи 1897 года) составитъ 0,47%.

Насколько ничтожно обложеніе торговли и промысловъ государственными налогами, легко видѣть изъ того, что поземельный налогъ, интенсивностью своей превышающій налогъ промысловый, составляетъ въ сущности лишь самую незначительную долю общаго обложенія земли и по ничтожности своей не вызываетъ, да и не можетъ вызывать, никакихъ жалобъ на обременительность; землевладѣлецъ благодарилъ бы судьбу, еслибы всѣ денежныя повинности его предъ государствомъ ограничивались только этимъ налогомъ. Въ дѣйствительности сюда необходимо еще прибавить сборы земскіе, мірскіе, выкупные и обязательные страховые.

Мнѣ могутъ указать, что я беру для сравненія величины неоднородныя, а потому и несоизмѣримыя. Возможно ли, скажутъ мнѣ, подводить подъ понятіе поземельныхъ налоговъ такіе спеціальныя платежи, какъ выкупные или земскіе страховые? Вѣдь всякій частный владѣлецъ недвижимаго имущества, обремененнаго гипотечными долгами, также несетъ платежи по ссудамъ и по страхованію построекъ. Если вдуматься однако въ конструкцію выкупныхъ и обязательныхъ страховыхъ платежей, то нельзя не прійти къ заключенію, что они не могутъ идти въ сравненіе съ гипотечными и страховыми платежами частныхъ владѣльцевъ; эти послѣдніе платежи вытекаютъ изъ договорнаго соглашенія сторонъ; добрая воля плательщиковъ здѣсь не насилуется и каждый отвѣчаетъ лишь своимъ имуществомъ соразмѣрно съ нарушеннымъ имъ правомъ договорнымъ, гражданскимъ. Совсѣмъ не то надѣльные платежи (выкупные, страховые и продовольственные): они обязательны для cadaго члена сельскаго общества и будутъ взысканы за круговой порукой даже противъ воли плательщика и помимо обремененнаго платежами участка надѣльной земли. Въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи совокупность повинностей сплошь и рядомъ превышаетъ чистую доходность надѣльнаго участка земли. Такое ненормальное явленіе безспорно существуетъ; оно обратило на себя вниманіе правительственной власти и законъ 13 мая о пересрочкѣ выкупныхъ платежей имѣетъ цѣлью именно привести доходность надѣловъ въ соотвѣтствіе съ платежами, падающими на надѣлъ. Каждый членъ сельскаго общества обязанъ удовлетворять всѣ лежащія на немъ платежи; онъ прикованъ къ

своему участку и не въ правѣ отъ него отказаться, пока сельское общество само не приметъ на себя его обязательства предъ казной; пусть земельный участокъ его заброшенъ, пусть онъ не пользуется надѣломъ, пусть онъ проживаетъ на сторонѣ,—безразлично: онъ изъ заработка обязанъ уплатить всѣ повинности по своему надѣльному участку. А такая принудительность не составляетъ ли характернаго признака прямого налога?

Неравномѣрность обложенія земскими сборами земли и торгово-промышленныхъ предпріятій еще рельефнѣе, нежели въ государственныхъ налогахъ: изъ предыдущаго намъ уже извѣстно, что обороты торгово-промышленныхъ предпріятій по Россіи превышаютъ болѣе чѣмъ въ три раза весь валовой сборъ земледѣльческихъ продуктовъ; и при такомъ-то соотношеніи торговля и промыслы несутъ лишь $\frac{1}{3}$ часть земскихъ сборовъ, считая въ томъ числѣ какъ сборы съ патентовъ и торговыхъ документовъ, такъ и сборы съ торгово-промышленныхъ помѣщеній *). Съ причисленіемъ земскихъ сборовъ процентъ обложенія поземельныхъ доходовъ повышается съ 0,47 до 1,7; тогда какъ по торговлѣ и промысламъ—съ 0,33 лишь до 0,42.

Такимъ образомъ *интенсивность государственнаго и земскаго поземельнаго обложенія въ 4 раза сильнѣе, нежели обложенія торговли и промысловъ.*

Переходя въ частности къ землямъ надѣльнымъ, составляющимъ, какъ мы указывали уже, около трети всей площади имперіи, и причисляя сюда 93 мил. руб. выкупныхъ платежей и 61 мил. руб. мірскихъ волостныхъ и сельскихъ (согласно свѣдѣній, собранныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ о мірскихъ доходахъ и расходахъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи), мы должны отмѣтить чрезвычайное повышение податного процента—до 17%,—валовой доходности надѣловъ. По отдѣльнымъ мѣстностямъ процентъ этотъ колеблется: такъ, на примѣръ, цифра мірскихъ сборовъ съ десятины надѣла отклоняется отъ средней величины въ 35 коп. до 1 руб. 8 к. въ Московской губерніи и до 30 коп.—въ Олонецкой **). Но и на этомъ процентѣ обложенія надѣльныхъ земель нельзя остановиться: въ дѣйствительности онъ еще выше, такъ какъ къ надѣльнымъ сборамъ необходимо прибавить платежи по обязательному земскому страхованію и продовольственные. Кромѣ того нами не приняты во вниманіе разные мѣстные платежи, соотвѣтствующіе мірскимъ волостнымъ и сельскимъ—гминные, кибиточные и проч.

Мы не станемъ утомлять вниманіе читателей дальнѣйшимъ изложеніемъ цифръ. Изъ того, что нами сказано, не въ правѣ ли мы сдѣлать общій выводъ, что если поземельное обложеніе вообще въ 4 раза интенсивнѣе промысловаго, то обложеніе надѣловъ въ частности болѣе чѣмъ въ 10 разъ превышаетъ общее поземельное обложеніе.

*) Ст. Нечаева. *Русская Мысль* 1897 г., октябрь, стр. 99: „Земское промысловое обложеніе“. Сборъ съ земли 38 милл. руб.; съ торговли и промысловъ—9 милл. руб. слишкомъ.

**) *Финанс. стат. Атласъ*—Антропова, стр. 7—8.

Сельское народонаселение Россіи состоитъ изъ 110 мил. человѣкъ. Простое сопоставленіе этой цифры съ общимъ народонаселеніемъ Россіи,—по переписи 1897 года 129 миллион. человѣкъ,—указываетъ, какую огромную долю косвенныхъ налоговъ несутъ землевладѣльцы и земледѣльцы. Но внесемъ одну существенную поправку: предположимъ, что всѣ рабочія силы фабрично-заводской промышленности вербуются среди сельскаго земледѣльческаго населенія, и исключимъ изъ этого послѣдняго числа всѣхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ по имперіи 1.742,389 челов.*). Предположимъ далѣе, что на фабрикахъ и заводахъ работаютъ исключительно взрослые домохозяева, содержащіе на свой фабричный заработокъ семью, состоящую въ среднемъ изъ 4—5 человѣкъ. Исключая все это фабричное населеніе, получаемъ численность сельскихъ жителей, занятыхъ земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, въ 101½ мил. душъ. Такимъ образомъ городское и фабричное населеніе Россіи составляетъ не болѣе 21,3% всего населенія по Имперіи.

Не трудно вычислить, какая часть косвенныхъ налоговъ—акцизовъ и таможенныхъ сборовъ—уплачивается сельскими жителями, занятыми земледѣліемъ. Эта доля выразится въ цифрѣ 340 мил. руб., тогда какъ на остальное населеніе падаетъ лишь 93 мил. руб. Правда, душевое потребленіе продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ,—величина непостоянная, зависящая отъ имущественной состоятельности различныхъ классовъ населенія, хотя, съ другой стороны, потребленіе ограничено и свойствами человѣческаго организма: какъ бы ни былъ богатъ потребитель, онъ не можетъ превышать определенной нормы потребленія. Такимъ образомъ, нѣкоторое повышеніе размѣровъ потребительныхъ нормъ жизненныхъ продуктовъ лицами состоятельнаго класса должно раствориться въ общей массѣ обычныхъ потребительныхъ нормъ многомилліоннаго крестьянскаго населенія; для примѣра укажемъ хотя бы на потребленіе населеніемъ водки. По даннымъ, собраннымъ старшимъ ревизоромъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей Г. Минцловымъ, на V международномъ конгрессѣ о мѣрахъ борьбы съ алкоголизмомъ, о потребленіи спиртныхъ напитковъ въ 13 главнѣйшихъ государствахъ всего міра за послѣднее десятилѣтіе оказывается, что въ Россіи на каждого жителя приходится въ годъ: 0,61 ведра водки, 0,16 ведра винограднаго вина, 0,29 ведра пива.

Предположимъ теперь, что сельское земледѣльческое населеніе по недостатку денежныхъ средствъ потребляетъ спиртныхъ напитковъ менѣе нежели городское, скажемъ, на одну бутылку въ годъ. Такое, повидимому, незначительное сокращеніе душевого потребленія водки составило бы по всей имперіи весьма внушительную цифру—5.075,000 ведеръ; чтобы распределить затѣмъ это количество водки среди городского населенія, необходимо было бы повысить потребительную норму каждого городского жи-

*) *Вся Россія*, изд. 1897 года. Въ *Фин. Стат. Атласѣ* Антропова, стр 11, число фабричныхъ рабочихъ безъ Финляндіи, Кавказа и Сибири показано 1.366,118 ч.

теля болѣе чѣмъ на четверть ведра въ годъ. Дальнѣйшее сокращеніе потребления водки сельскими жителями на одну или на двѣ бутылки грозило бы превратить прочіе классы населенія въ горячайшихъ пьяницъ, особливо если вспомнить, что указанныя потребительныя нормы необходимо увеличивать еще вдвое или даже болѣе, такъ какъ нашъ расчетъ потребления заключаетъ въ себѣ все населеніе безъ различія пола и возраста.

Совершенно тождественное явленіе отмѣчалось бы и въ потребленіи прочихъ продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ. Изъ труда г. Осипова: «О нѣкоторой зависимости между цѣнами на хлѣбъ и поступленіемъ акцизовъ за послѣднее десятилѣтіе» *) видно, что въ Россіи каждый житель въ среднемъ потребляетъ 8,1 фунт. сахару, 2,05 фун. табаку и 1,212 штукъ спичекъ въ годъ. Такимъ образомъ каждый фунтъ сахару или табаку, сокращаемый сельскими жителями, долженъ упятериться въ потребленіи жителей городскихъ, и если среди первыхъ возможно предположить сокращеніе душевого потребления, скажемъ, съ 8 фун. сахару до 7 или до 6 фунтовъ въ годъ, то среди послѣднихъ врядъ ли найдется такой охотникъ до сахару, который поѣдалъ бы его болѣе полпуда въ годъ. Еще менѣе естественно предположеніе о потребленіи состоятельными классами по 12 фунтовъ табаку или по 7,000 спичекъ въ годъ поголовно безъ различія пола и возраста.

Итакъ, повторяемъ, если состоятельные классы населенія нѣсколько и повышаютъ свои потребительныя нормы продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ, то повышеніе это еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы существенно измѣнить потребительныя нормы всей массы населенія: весьма вѣроятно, что эти послѣднія нормы и понижаются на нѣкоторую весьма незначительную долю; но въ такомъ случаѣ и пониженіе акциза столь же ничтожно. Пусть крестьянинъ потребляетъ не 8 фун. сахару, а положимъ 7; тогда онъ уплачиваетъ акцизу вмѣсто 28 коп. 24 коп. съ души и т. д. Въ подтвержденіе своей мысли приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Г-нъ Антроповъ въ *Финанс. Статист. Атласъ* вычисляетъ цифры средняго дохода отъ акцизовъ сахара, табачнаго, нефтянаго и спичечнаго на квадратную версту различныхъ районовъ имперіи. Сопоставляя цифры эти съ данными, выражающими плотность населенія на квадратную версту тѣхъ же районовъ, мы получаемъ слѣдующія цифры акцизныхъ поступлений на каждого жителя по районамъ:

Столичный.	3,2 рубля.
Юго-западный	1,5 »
Привислянскій	0,6 »
Малороссійскій.	0,6 »
Средне-черноземный.	0,3 »
Прибалтійскій.	0,5 »
Южный.	0,7 »

*) Сборникъ Мин. Фин.: „Вліяніе урожаевъ“, т. II, стр. 375 и слѣд.

Средне-промышленный.	0,4 рубля
Сѣверо-западный	0,2 »
Закавказскій.	0,3 »
Восточный	0,14 »
Сѣверный	0,16 »

Исключимъ столичный, гдѣ болѣе половины населенія городского, и юго-западный районы съ наивысшимъ поступленіемъ акцизовъ и восточный и сѣверный—съ наименьшимъ, и мы увидимъ, что отъ средней величины—0,39 руб. акцизовъ на жителя—отклоненія вообще не велики и что во всякомъ случаѣ отклоненія эти не дають достаточнаго основанія утверждать, будто земледѣльческіе районы вносятъ акцизовъ менѣе, нежели другіе районы.

Такимъ образомъ, если и возможно сдѣлать нѣкоторое исправленіе нашихъ расчетовъ относительно суммы падающихъ на земледѣльческое населеніе акцизовъ кромѣ виннаго, то пониженіе это, повидимому, будетъ не велико, около 10—15 коп. на душу или около 10—15 милліон. рублей на всю имперію. Предполагать же неравномѣрность распредѣленія виннаго акциза между различными классами населенія нѣтъ положительно никакого основанія.

Въ отдѣлѣ косвенныхъ налоговъ очень видное мѣсто занимаетъ поступленіе таможенныхъ сборовъ. Было бы большою ошибкой предполагать, что таможенные сборы мало ощутительны для сельскаго земледѣльческаго населенія: центръ тяжести таможенныхъ пошлинъ лежитъ въ оплатѣ предметовъ первѣйшей необходимости, каковы желѣзо, чугунъ, сталь, уголь и проч., тѣхъ самыхъ предметовъ, выработкой которыхъ заняты богатѣйшіе наши заводы съ ихъ колоссальными барышами. Потребленіе желѣза земледѣльческимъ населеніемъ приносить не малую долю доходовъ нашей металлургіи. Вятское земство исчислило, что крестьянину въ его маленькомъ хозяйствѣ нужно желѣза въ разныхъ видахъ не менѣе 7 пуд. 25 фунт. на дворъ; а при этой нормѣ потребленія желѣза ежегодный расходъ его на ремонтъ, возобновленіе и добавленіе инвентаря составляетъ на крестьянскій дворъ около 1 пуда 12 фунт., да чугуна до 5 фунт.; въ переводѣ на деньги при средней цѣнѣ желѣза въ 1 руб. 80 к. за пудъ и чугуна 90 к. за пудъ, это составитъ на дворъ 2 руб. 45 коп. въ годъ, при коихъ на долю таможенныхъ пошлинъ приходится безъ малаго половина, а именно 1 руб. 10 к. *).

По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ *Вѣстникъ Финансовъ* (1896 г., № 18), потребленіе желѣза въ Россіи на жителя таково:

за 1893 г.	0,80 пуд.
» 1894 »	1,06 »
» 1895 »	1,13 »

*) А. Радцигъ: „Желѣзодѣлат. промысл. всего свѣта“. Изд. 1897 г., предисловіе.

Такимъ образомъ, на каждого жителя въ среднемъ за 1895 годъ приходится 90,4 коп. пошлины за потребляемое имъ желѣзо. По этому разсчету нельзя, конечно, вычислить, сколько таможенной пошлины падаетъ на сельское земледѣльческое населеніе. Изъ приведенныхъ разчетовъ вятскаго земства видно, что цифра потребления желѣза крестьянами понижается до 1 п. 17 фунт. въ годъ, т.-е. до 0,3 п. на душу; цифра потребления, однако, должна повыситься, если соединить крестьянъ и помѣщиковъ въ общую группу землевладѣльцевъ: помѣщичье хозяйство, потребляя значительное количество желѣза для кровель, въ видѣ селско-хозяйственныхъ машинъ и орудій и для другихъ подѣлокъ, значительно должно повысить цифру душевого потребления желѣза сельскимъ населеніемъ.

Не споримъ, что и за этимъ повышеніемъ потребительная норма желѣза въ деревнѣ не велика и что наибольшее потребление все же необходимо отнести на счетъ промышленныхъ предпріятій и правительственныхъ заказовъ для желѣзныхъ дорогъ. Бремя земледѣльческаго населенія, полагаемъ, отъ того ни мало не облегчается, разъ установлена связь государственнаго бюджета съ обложеніемъ земледѣлія по преимуществу. Какъ велики переборы съ русскаго населенія за желѣзные и стальные издѣлія, показываютъ крайне любопытныя вычисленія Радцига о суммѣ переплаты желѣзныхъ дорогъ за рельсы съ 1884 г. по 1895 г. Въ то время какъ цѣна на рельсы въ Англіи опустилась до 37 коп. золотомъ за пудъ (55 коп. кредитныхъ), русскія желѣзныя дороги платили за русскія рельсы по 1 руб. 55 коп. за пудъ; раньше онѣ платили по 1 руб. 80 коп. и даже по 2 рубля. Суммируя переплату за всѣ 12 лѣтъ, получаемъ круглую цифру въ 100 милліоновъ рублей. На эти деньги можно бы было выстроить новыхъ 2,000 верстъ. Но это лишь часть переплаты желѣзныхъ дорогъ за металлы. По разсчету, составленному специальной комиссіей, объ участіи уральскихъ горныхъ заводовъ въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги о количествѣ потребнаго на версту металла, оказывается, что на версту дороги переплата на металлахъ можетъ быть принята по крайней мѣрѣ въ 4,651 руб. Кромѣ переплаты за путь слѣдуетъ принять во вниманіе переплату за подвижной составъ, т.-е. паровозы, вагоны, водокачки и пр. Г. Радцигъ вычисляетъ далѣе, что на всемъ потребленіи желѣза для цѣлей промышленныхъ и для земледѣлія населеніе ежегодно переплачиваетъ до 100 милліоновъ рублей. Эти переплаты крайне вредно отзываются на нашемъ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ. Однимъ изъ бичей русской деревенской жизни являются опустошительныя и частыя пожары, которымъ особенно способствуютъ наши крестьянскія соломенные крыши и постройки. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ удешевленіемъ желѣза это послѣднее должно вытѣснить соломенные кровли. Въ подтвержденіе сошлемся на весьма любопытное вычисленіе К. Никитина *Замѣтки изъ селско-хозяйственной строительной практики: амбаръ и рига*, стр. 7 и 8; авторъ вычисляетъ, что поверхность соломенной крыши приблизительно будетъ равна 1,75 площади покрываемаго пространства, тогда какъ поверхность желѣзной крыши равняется 1,12 и даже 1,05 пло-

щади при подъемѣ крыши въ $\frac{1}{4}$ или въ $\frac{1}{6}$. При существующихъ въ данной мѣстности (Рязанская губернія) цѣнахъ на строительный и кровельный матеріалъ для покрытія 100 квадратныхъ сажень желѣзная крыша будетъ стоить 488 р. 25 к., а соломенная 262 р. 50 к., т.-е. въ $1\frac{6}{7}$ разъ дешевле первой, хотя каждая квадратная сажень желѣзной крыши стоитъ въ 3 раза дороже соломенной. Мы знаемъ далѣе, что на каждый пудъ желѣза стоимостью въ 1 руб. 80 коп. падаетъ таможенной пошлины 80 коп. Если исключить таможенную пошлину, то стоимость желѣзной крыши понижается до 271 руб. 25 коп. Съ пониженіемъ же цѣны на гвозди, проволоку и т. п. матеріалы стоимость соломенной и желѣзной кровли совершенно уравниваются.

Итакъ, обреченное на вымирание земледѣліе уплачиваетъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ государственныхъ налоговъ, несетъ на своихъ плечахъ почти всю тяжесть земскаго обложенія; на немъ же лежитъ содержаніе волостной и сельской администраціи, и обязательное страхование построекъ, и образованіе продовольственныхъ капиталовъ, и выполненіе обязательныхъ натуральныхъ повинностей. Таково значеніе земледѣлія въ финансовомъ отношеніи.

Но, можетъ быть, экономическое значеніе промышленности для страны таково, что оно заставляетъ переложить податное бремя на земледѣльческій классъ населенія? Можетъ-быть развиваются и крѣпнутъ такія отрасли промышленнаго хозяйства, которыя сулятъ огромныя блага если не всему, то, по крайней мѣрѣ, значительнѣйшей части русскаго населенія? Пусть земледѣлецъ устремляетъ свой трудъ въ эти новыя отрасли хозяйства и черпаетъ тамъ новыя средства къ существованію; оторванный отъ земли, фабричный пролетаріатъ пусть находитъ тамъ вѣрный и высокій заработокъ, вполне окупающій его тяжелый фабричный трудъ. Однимъ словомъ, быть можетъ все наше земледѣліе представляетъ собой для экономической жизни страны такой тяжелый и ненужный балластъ, отъ котораго необходимо освободиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше?

Мы не станемъ теперь останавливаться на вопросахъ о степени основательности промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ домогательствъ,—вопросы эти не входятъ въ задачу настоящей статьи. Посмотримъ лишь, дѣйствительно ли эта отрасль народнаго хозяйства настолько безразлична для страны, что ею можно и нужно пожертвовать въ интересахъ развитія фабрично-заводской промышленности.

Изъ предыдущаго намъ извѣстно, что число фабричныхъ рабочихъ составляетъ 1,6% всего сельскаго населенія по имперіи. Эти 1.742,000 человекъ рабочихъ требуются для 2.328 милліоновъ рублей годовой валовой производительности всѣхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ *), такъ что на каждого фабрично-заводскаго рабочаго приходится 1,3 тысячи рублей валовой производительности въ годъ. Сопоставляемъ далѣе численность всего

*) См. *Вѣстн. Фин.* 1897 г., № 1. стр. 7.

сельскаго населенія Европейской Россіи, за исключеніемъ количества фабричныхъ рабочихъ *), съ валовой производительностью сельско-хозяйственныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ (3.081 мил. руб.) и мы находимъ, что на каждого сельскаго жителя приходится въ среднемъ на 34,7 рублей этихъ продуктовъ. Если мы предположимъ, что при каждомъ фабричномъ на его фабричный заработокъ кормится вся его семья, состоящая въ среднемъ изъ 4—5 душъ, то въ такомъ случаѣ цифра производительности земледѣлія составитъ по 37,2 рубля на каждого сельскаго жителя, занятаго земледѣліемъ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ каждая тысяча рублей валовой производительности фабрично-заводской промышленности даетъ заработокъ и средства къ существованію 4—5 человѣкамъ фабричнаго населенія, каждая тысяча рублей производительности земледѣлія и сельскаго хозяйства кормитъ 25—27 человѣкъ земледѣльческаго сельскаго населенія.

Было бы большою ошибкой, однако, предполагать, что трудъ фабричнаго рабочаго оплачивается въ пять разъ выше труда земледѣльческаго: условія жизни нашего фабричнаго населенія слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы о нихъ нужно было много распространяться; оторванный отъ земли фабричный рабочій, живущій поденнымъ трудомъ и необеспеченный въ завтрашнемъ днѣ, весьма далекъ отъ идеала народнаго благополучія и врядъ ли найдетъ апологетовъ даже въ средѣ принципиальныхъ защитниковъ промышленнаго труда.

Но вопросъ не въ этомъ. Если даже предположить, что фабричный трудъ для населенія выгоднѣе и желательнѣе труда земледѣльческаго, то насъ невольно должна поразить колоссальная цифра промышленныхъ оборотовъ, потребная для того, чтобы занять фабрично-заводскимъ трудомъ, не говоря уже все, но хотя бы половину населенія имперіи. Если каждымъ пяти человѣкамъ фабричнаго населенія соответствуетъ 1,3 тысячи рублей фабричнаго валового производства, то во сколько же милліардовъ рублей пришлось бы оцѣнить производительность многихъ десятковъ милліоновъ человѣкъ населенія Россіи? Гдѣ капиталы для такого производства и гдѣ рынки для сбыта подобнаго количества продуктовъ фабрично-заводскаго труда? При высокой цѣнѣ товаровъ русскаго производства рассчитывать на широкій вывозъ слишкомъ мало основаній и завоеваніе иностранныхъ рынковъ представляется намъ лишь смутнымъ событіемъ, тѣряющимся въ дали грядущихъ вѣковъ и поколѣній. Въ данное же время большинству нашихъ фабрично-заводскихъ произведеній суждено оставаться внутри страны и удовлетворять потребностямъ собственнаго населенія, иными словами, потребностямъ русскаго земледѣльца, такъ что и все поступательное движеніе и ростъ промышленнаго благосостоянія страны невольно напоминаетъ вращеніе бѣличьяго колеса, ось и центръ котораго составляетъ все то же земледѣліе.

*) Сельскаго населенія Европейской Россіи—90.161,000 чел.; фабричныхъ рабочихъ—1.366,000 чел.

Итакъ, наша фабрично-заводская промышленность даетъ заработокъ 1,742 тысячамъ рабочихъ. Работа кустарей исчисляется приблизительно въ 100 миллионѣвъ рублей. Но что значитъ въ сущности вся эта сумма фабричнаго заработка сравнительно со многими десятками миллионѣвъ душъ населенія Россіи? До тѣхъ поръ, пока главная масса населенія получаетъ свой заработокъ и пропитаніе съ земли, пока огромный процентъ государственныхъ и общественныхъ налоговъ уплачивается населеніемъ съ поземельныхъ доходовъ, пока самый сбытъ фабрично-заводскихъ произведеній зависитъ отъ имущественнаго благосостоянія землевладѣльческой массы, до тѣхъ поръ доминирующее значеніе въ народномъ хозяйствѣ останется за земледѣліемъ.

До сихъ поръ мы говорили о фабрично-заводскомъ трудѣ, противопоставляя его труду земледѣльческому. Нельзя обойти молчаніемъ еще одну отрасль народнаго труда, а именно—мѣстные и отхожіе промыслы. Доходы отъ промысловъ, по вычисленіямъ Щербины *), составляютъ въ общемъ одну шестую часть всего крестьянскаго бюджета; по отдѣльнымъ районамъ и мѣстностямъ цифра эта нѣсколько повышается и по столичнымъ, на прим., губерніямъ доходы эти составляютъ почти $\frac{1}{3}$ часть всего бюджета (17 р. 60 коп. изъ 59 р. 96 коп. на душу).

Казалось бы, что развитію фабрично-заводской промышленности должно сопутствовать и развитіе промысловъ; а при такомъ положеніи дѣла имущественное благосостояніе мѣстнаго населенія, повидимому, являлось бы внѣ всякаго сомнѣнія. Упомянутый авторъ приводитъ намъ, однако, такія цифры, которыя вполне разрушаютъ наше предположеніе. Оказывается, что во всѣхъ районахъ, отмѣченныхъ недостаткомъ хлѣба, является дефицитъ и по общему бюджету крестьянской семьи почти въ томъ же самомъ размѣрѣ, такъ что доходы отъ промысловъ нисколько въ сущности не измѣняютъ экономическаго положенія мѣстнаго населенія. Мы не будемъ утомлять вниманія читателей столбцами цифръ, приведенныхъ въ изслѣдованіи Щербины, укажемъ лишь самыя характерныя изъ нихъ. По районамъ столичныхъ губерній недостатокъ хлѣба мѣстнаго производства выражается въ цифрѣ 2 руб. 38 коп. на душу; общій недостатокъ всего вообще крестьянскаго бюджета, принимая во вниманіе и доходы отъ промысловъ, выражается въ цифрѣ 2 руб. 31 коп. на душу, т.-е. понижается всего лишь на 7 коп. По промышленнымъ губерніямъ, при недостаткѣ хлѣба въ 17 коп. на душу, общій дефицитъ по всему крестьянскому бюджету возрастаетъ до 34 коп. на душу. Правда, что по всей имперіи не отмѣчается ни недостатка крестьянскаго хлѣба (—2 коп. на душу), ни дефицита общаго крестьянскаго бюджета (—9 коп. на душу). Но нельзя не указать, что такіе благопріятные результаты получаются лишь благодаря большому излишку доходовъ по четыремъ районамъ: южному, средне-черноземному, юго-восточному и восточному; по всѣмъ остальнымъ районамъ въ общемъ

*) См. *Вліяніе урожаевъ*, т. II, стр. 46.

крестьянскомъ бюджетѣ отмѣчается дефицитъ. Если сопоставить теперь эти данныя со степенью развитія въ отмѣченныхъ нами районахъ земледѣлія и промышленности, то нетрудно уже судить объ экономическомъ значеніи промышленности и промысловъ для мѣстнаго сельскаго населенія.

«Если въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ вліяніемъ земледѣлія и значительныхъ оборотовъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, — говоритъ Щербина, — цифры указываютъ на болѣе или менѣе сносное удовлетвореніе личныхъ потребностей населенія и его хозяйственныхъ нуждъ, то въ мѣстахъ болѣе широкаго развитія промысловъ и нарушившагося равновѣсія въ приходахъ и расходахъ того же самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства дефицитъ служитъ признакомъ несомнѣнныхъ затрудненій въ правильномъ веденіи хозяйства и удовлетвореніи потребностей семьи. То, чего недостаетъ крестьянскому хозяйству и что выражается по бюджету въ дефицитѣ, фактически, навѣрное, оказывается тяжелою формою задолженности въ видѣ частнаго кредита или казенныхъ недоимокъ» (стр. 7). «Основу крестьянскаго хозяйства, — говоритъ онъ далѣе, — составляетъ земледѣліе, что и отражается всецѣло на составѣ крестьянскихъ бюджетовъ. Взаимная связь и зависимость важнѣйшихъ статей бюджета въ концѣ-концовъ держится на производствѣ хлѣба».

Значеніе отдѣльныхъ землевладѣльческихъ классовъ далеко не одинаково для страны: если безспорно экономическое и финансовое значеніе надѣльнаго землевладѣнія и крестьянскаго населенія, то еще вопросъ, можно ли причислять сюда же и другой многочисленный классъ частныхъ землевладѣльцевъ — эксплуататоровъ крестьянскаго труда. Между крестьянскимъ и частно-владѣльческимъ классами населенія, повидимому, существуетъ такой антагонизмъ интересовъ, что о соединеніи этихъ двухъ классовъ въ одну общую группу плательщиковъ, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи: то, что важно и нужно помѣщику, вредно крестьянину и наоборотъ. Если низкія хлѣбныя цѣны и высокая заработная плата подрываютъ въ корнѣ помѣщичье хозяйство, то тѣ же самые факторы, по мнѣнію весьма авторитетныхъ экономистовъ, составляютъ благо для крестьянскаго населенія. Такимъ образомъ, кромѣ промышленнаго и земледѣльческаго класса намѣчается еще классъ землевладѣльческой, помѣщичьей, который необходимо выдѣлить въ особую группу относительно финансоваго и экономического его значенія для государства.

Разсмотрѣнные нами цифры даютъ однако мѣсто сомнѣніямъ, дѣйствительно ли существуетъ такой безусловный антагонизмъ интересовъ земледѣльческаго и помѣщичьяго классовъ. Что помѣщикъ стремится къ полученію возможно большаго дохода съ своего участка земли — это правда; но правда также и то, что на каждую тысячу рублей сельско-хозяйственныхъ произведеній содержится 25 человекъ сельскаго населенія, ровно въ пятеро больше, нежели на такую же сумму промышленнаго производства. Какъ бы мы ни распредѣляли поземельную собственность между крестьянскимъ и

частнымъ владѣніемъ, общая сумма земледѣльческихъ продуктовъ, также какъ и сумма платежей, падающихъ на сельское земледѣльческое населеніе, остается неизмѣнной, и въ этомъ отношеніи въ экономической и финансовой жизни страны помѣщичье хозяйство выполняетъ столь же важную функцію, какъ и хозяйство крестьянское. Въ самомъ дѣлѣ, если въ данное время изъ общаго годового сбора земледѣльческихъ продуктовъ по имперіи получаютъ пропитаніе, скажемъ, сто милліоновъ человѣкъ сельскаго населенія, уплачивается извѣстное количество государственныхъ и общественныхъ налоговъ, окупаются расходы по эксплуатаціи земельного имущества и, наконецъ, отчисляется извѣстный процентъ или рента на затраченный въ земельную собственность капиталъ, то и при распредѣленіи земли между земледѣльческимъ крестьянскимъ населеніемъ и съ вытѣсненіемъ отсюда помѣщичьяго элемента и капиталовъ вся совокупность падающихъ на землю расходовъ, также какъ и сборъ земледѣльческихъ продуктовъ, остается на-лицо въ прежнемъ размѣрѣ съ тою лишь разницей, что рискъ по затраченному въ земельную собственность капиталу перелagается съ помѣщичьяго населенія на крестьянское. Насколько выиграло бы отъ такого перемѣщенія это послѣднее, судить въ настоящее время трудно. Во всякомъ случаѣ безспорно, что при существующихъ условіяхъ крестьянскаго кредита выгоды эти для крестьянскаго населенія остались бы столь же проблематичными, какъ и для помѣщичьяго.

Намъ говорятъ, что нашей странѣ нужны низкія хлѣбныя цѣны, такъ какъ для крестьянской массы населенія онѣ безразличны, а интересы помѣщичьяго класса съ общественной точки зрѣнія не важны, хотя бы они и пострадали. Но въ такомъ случаѣ, спросимъ мы, для кого же представляютъ прямую выгоду низкія хлѣбныя цѣны? Если онѣ пагубны для помѣщичьяго хозяйства и безразличны для земледѣльца, то, слѣдовательно, выгоду получаютъ лишь городской и фабричный классы населенія. Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, насколько эти послѣдніе классы вправѣ рассчитывать на исключительную общественную поддержку и помощь. Въ настоящее же время переходимъ къ вопросу, дѣйствительно ли вѣрно то основное положеніе, будто хлѣбныя цѣны безразличны для крестьянскаго населенія. Это положеніе, подкрѣпленное ссылками на выводы и данныя научныхъ изслѣдованій, значительно осложняетъ вопросъ, вызываетъ сомнѣніе въ правильности установившихся взглядовъ, импонируетъ серьезностью и научностью затраченного труда.

Какъ только вышло въ свѣтъ изданіе министерства финансовъ *Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства*, редактированное профессорами Чупровымъ и Постниковымъ и составленное изъ отдѣльныхъ изслѣдованій извѣстныхъ въ наукѣ статистиковъ, на редакторовъ и составителей его посыпался цѣлый градъ обвиненій и упрековъ въ тенденціозности и предвзятости яко бы неоспоримыхъ тезисовъ ихъ сборника. Пренія въ засѣданіяхъ Вольно-Экономическаго Общества и цѣлая серія журнальныхъ и газетныхъ критическихъ статей по дан-

ному вопросу выяснили многія слабыя стороны труда московскихъ экономистовъ и, вызвавъ объясненія авторовъ сборника, освѣтили въ достаточной степени недостатки приѣмовъ изслѣдованій и произвольность обобщеній, допущенныхъ въ этомъ изслѣдованіи.

Мы не беремъ на себя смѣлости критическаго разбора труда извѣстныхъ въ наукѣ специалистовъ. Наша задача скромнѣе: мы слѣпо послѣдуемъ за специалистами и, намѣтивъ себѣ тезисы, обозначенные изслѣдованіями московскихъ экономистовъ, и возраженія петербургскихъ профессоровъ и прессы, проверимъ правильность тѣхъ и другихъ на конкретномъ примѣрѣ одного земледѣльческаго уѣзда: здѣсь наши знанія достаточны и точны, здѣсь съ цифрами въ рукахъ мы можемъ придти къ положительнымъ даннымъ и, не возводя этихъ данныхъ на степень научныхъ аксіомъ, сказать, вредны или полезны для народнаго хозяйства нашего уѣзда низкія цѣны на хлѣбъ.

Авторами изслѣдованія высказано одно положеніе, относительно котораго всѣ безъ исключенія критики съ ними вполне солидарны; это безспорное положеніе касается выгодъ, доставляемыхъ странѣ высокимъ урожаемъ. «И наука и практика, — говоритъ проф. Исаевъ, — ничего бы не проиграли, еслибы вовсе не были высказаны по адресу обильнаго урожая тѣ похвалы, которыя мы часто встрѣчаемъ въ сборникѣ. Доказывать желательность для страны хорошаго урожая столь же нужно, какъ доказывать желательность здоровья или добрыхъ нравовъ. Намъ приходится поэтому остановиться только на одномъ вопросѣ, вопросѣ о вліяніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на народное хозяйство». Второй тезисъ сборника: низкія цѣны на хлѣбъ не убыточны для народнаго хозяйства, — является уже тезисомъ старымъ, вызвавшимъ серьезныя возраженія со стороны цѣлаго ряда экономистовъ. Авторы сборника указываютъ, что одна группа сельскихъ хозяевъ, безспорно, страдаетъ отъ низкихъ цѣнъ: это владѣльцы, имѣющіе болѣе 200 десятинъ; кризисъ не касается однако частныхъ владѣльцевъ, сдающихъ землю въ аренду, такъ какъ въ этомъ случаѣ они все же получаютъ извѣстный доходъ. Вторая группа владѣльцевъ отъ 50 до 200 десятинъ несетъ уже меньшій убытокъ и, наконецъ, болѣе мелкіе землевладѣльцы рѣже выступаютъ продавцами хлѣба, а потому и не заинтересованы въ высокихъ хлѣбныхъ цѣнахъ. Переходя къ землевладѣнію крестьянскому, авторы указываютъ, что низкія цѣны не отражаются здѣсь неблагоприятно именно потому, что лишь небольшое количество крестьянъ имѣетъ избытки для продажи. «Не на хлѣбѣ развиваются денежныя отношенія крестьянскаго хозяйства, — говоритъ проф. Чупровъ, — различныя промысловыя занятія, выручки отъ продуктовъ скотоводства и огородничества и другихъ статей даютъ ему несравненно большую долю его дохода денежнаго, нежели продажа хлѣба. Среднее крестьянское хозяйство составляется какъ бы изъ двухъ частей: одна — натурально-земледѣльческая, — производство и потребленіе хлѣба, — стоитъ очень далеко отъ рынка и цѣнъ; другая же — промысловая, погашающая платежныя и вообще денежныя нужды хозяйства,

непосредственно связана съ рынкомъ, но по преимуществу не хлѣбнымъ» («Введеніе», стр. XII).

«Изъ общей массы населенія, — говоритъ далѣе одинъ изъ авторовъ изслѣдованій Л. Марессъ, — выдѣляется только очень небольшая группа (около $\frac{1}{6}$), производящая зерно съ избыткомъ, который и отчуждается. Масса же населенія производитъ зерно только для своихъ потребностей, причемъ больше половины всѣхъ крестьянъ своей земледѣльческой дѣятельностью даже не зарабатываютъ необходимыхъ средствъ пропитанія. Русское крестьянское хозяйство въ большинствѣ случаевъ есть чисто натуральное, воздѣлывающее землю не на продажу, а для собственного потребленія, по большей части не покрывающее даже своихъ потребностей. Всѣ потребности рынка покрываетъ одно только частно-владѣльческое хозяйство, да хозяйство небольшой, наиболѣе зажиточной группы крестьянъ. Хлѣбъ же массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ» (стр. 35, 52, 54). Одинъ изъ защитниковъ книги въ Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ заявилъ, что она имѣетъ своей цѣлью помочь избавиться отъ назойливыхъ воплей русскихъ землевладѣльцевъ о раззорительности для страны низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ и необходимости придти къ нимъ на помощь (см. *Хозяинъ* 1897 г., № 11, стр. 382).

Если признать безспорной основную точку зрѣнія редакторовъ и составителей сборника, то нельзя не указать на послѣдовательность и логичность этого послѣдняго заявленія.

Критика указала однако такіе существенные пробѣлы изслѣдованія, что безспорность выводовъ его является пока совершенно недоказанной. Мы не станемъ входить въ подробности указанныхъ недостатковъ техническихъ приѣмовъ статистическаго изслѣдованія. Эти подробности совершенно не входятъ въ нашу задачу и вѣрность указаній мы не имѣемъ возможности провѣрить за отсутствіемъ у насъ того обширнаго статистическаго матеріала, которымъ пользовались авторы изслѣдованій и ихъ критики. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ указаніяхъ и помощью послѣднихъ постараемся провѣрить на цифровыхъ данныхъ нашего уѣзда, вѣрна ли исходная точка зрѣнія составителей сборника.

Проф. Исаевъ на нашъ взглядъ даетъ наиболѣе существенное указаніе, въ самомъ корнѣ подрывающее всю систему вычисленій и соображеній объ излишкахъ хлѣба, поступающихъ на рынокъ. «Московскіе экономисты, — говоритъ онъ, — пренебрегаютъ фактами, которые извѣстны всѣмъ и каждому. Выводы ихъ заставляютъ сдѣлать заключеніе, что крестьянское хозяйство изъ главныхъ предметовъ потребленія, въ немъ производимыхъ, продаетъ только избытки, ненужные для домашняго обихода. А между тѣмъ продажа хлѣба, соломы осенью и покупка ихъ же въ концѣ зимы и весною составляетъ повсемѣстный фактъ, давно изученный нашей экономической литературой» (*Хозяинъ* № 10, стр. 340. *Русская Мысль* за мартъ 1897 г. «Внутреннее Обозрѣніе»).

Одинъ изъ авторовъ сборника, Л. Марессъ самъ же слѣдующимъ обра-

зомъ характеризуетъ это явленіе: «То обстоятельство, что каждую осень на базарахъ появляются возы съ хлѣбомъ, что ежегодно на рынокъ выбрасывается масса хлѣба именно осенью, когда частно-владѣльческія экономіи, а также и наиболѣе зажиточные крестьянскіе дворы, имѣющіе дѣйствительные избытки хлѣба, еще воздерживаются отъ продажи, а если и продаютъ, то, во всякомъ случаѣ, везутъ хлѣбъ не на базары, — это обстоятельство вовсе не указываетъ на избытки хлѣба, — а имѣетъ совершенно иное значеніе. Дѣло въ томъ, что если крестьянинъ осенью и продаетъ хлѣбъ, то зимой и весной онъ снова покупаетъ его. Несмотря на то, что $\frac{2}{3}$ населенія (въ примосковномъ районѣ) приходится покупать хлѣбъ, можно каждую осень встрѣтить на городскихъ и сельскихъ рынкахъ продажный хлѣбъ, но это только осенью, тотчасъ послѣ сбора; продаютъ всегда по нуждѣ, для уплаты податей. Весной же положительно всѣ крестьяне покупаютъ хлѣбъ» (т. I, стр. 52). Въ отвѣтъ своемъ проф. Исаеву А. И. Чупровъ касается этого пункта возраженій (см. письмо 1-е *Русск. Вѣдом.* за 1897 г., № 71). Въ нашемъ изданіи, — говоритъ проф. Чупровъ, — проводится та мысль, что отъ низкихъ цѣнъ несутъ прямой ущербъ крупные и средніе землевладѣльцы, а изъ крестьянъ — тѣ, которые имѣютъ хлѣбные избытки за покрытіемъ продовольственныхъ потребностей. Г. Исаевъ утверждаетъ напротивъ, что отъ низкихъ цѣнъ страдаетъ огромное большинство даже тѣхъ крестьянъ, которые не имѣютъ избытковъ. Такіе крестьяне вынуждены продавать хлѣбъ осенью по низкимъ цѣнамъ и покупать зимой и весной по цѣнамъ значительно повышеннымъ. Чѣмъ дешевле хлѣбъ, — думаетъ г. Исаевъ, — тѣмъ болѣе широкіе размѣры принимаетъ эта убыточная операція, такъ какъ для выручки одной и той же суммы нужно сбыть большее количество хлѣба. Этотъ аргументъ г. Исаевъ приводитъ еще ранѣе въ одномъ изъ журналовъ, считая его, вѣроятно, однимъ изъ самыхъ могущественныхъ оплотовъ своей критики. Между тѣмъ весь доводъ рушится при первомъ же примѣненіи четырехъ правилъ ариѳметики. Отчего весеннія цѣны бываютъ обыкновенно выше осеннихъ? Кромѣ случайностей спроса и предложенія, конечно, оттого, что продавцамъ приходится хранить хлѣбъ до весны. Положимъ, весенняя надбавка въ цѣнѣ равняется 10% или, чтобы быть ближе къ примѣру г. Исаева, 20%. Положимъ, крестьянину на покрытіе осеннихъ податныхъ взысканій и арендныхъ платежей нужно выручить 25 рублей и въ этихъ видахъ продать часть хлѣба, который иначе пошелъ бы на удовлетвореніе потребностей семьи. При какихъ цѣнахъ хлѣба, высокихъ или низкихъ, крестьянинъ потерпитъ большіе убытки? Станемъ считать. Если цѣна хлѣба будетъ 1 руб. за пудъ, крестьянинъ продастъ 25 пудовъ; на каждомъ пудѣ ему придется весной переплатить 20 коп., а на всѣхъ 20 пудахъ 5 руб. Какъ скоро цѣна понизится до 50 коп. за пудъ, крестьянинъ долженъ продать уже не 25, а 50 пудовъ хлѣба, но переплата его на каждомъ пудѣ будетъ уже не 20 к., а 10 к. (20% съ 50 к.); общая же сумма переплаты будетъ равняться, какъ и въ первомъ случаѣ, 5 рублямъ, конечно, при равныхъ условіяхъ спроса и предложенія.

Второе наиболѣе существенное возраженіе сдѣлано было петербургскимъ профессоромъ Ходскимъ. Профессоръ Ходскій находитъ, что принятая составителями сборника группировка годовъ не исчерпываетъ вполне вопроса: нельзя сопоставлять годы низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ годамъ высокимъ, ибо существуютъ еще *годы среднихъ цѣнъ*; послѣднія-то по мнѣнію Ходскаго, и являются наиболѣе благоприятными для страны. Возраженіе это осталось неопровергнутымъ по существу.

Прежде чѣмъ перейти къ цифровымъ даннымъ по нашему уѣзду, обратимся еще разъ къ изслѣдованію Маресса «Производство и потребление хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ». По степени обеспеченности собственными запасами хлѣба авторъ распределяетъ крестьянское населеніе на три группы (по 46 губерніямъ): 1) со сборомъ хлѣба съ надѣльныхъ и арендуемыхъ земель больше 26,5 пудовъ на душу; 2) со сборомъ 19—26,5 пудовъ на душу, въ среднемъ по 24 пуда; 3) со сборомъ менѣе 19 пудовъ—въ среднемъ по 12,2 п. Въ послѣднюю группу входятъ между прочимъ и безхозяйные дворы, которые вовсе не занимаются земледѣліемъ; земская перепись насчитываетъ 10% такихъ дворовъ. Но не всѣ группы крестьянъ являются продавцами хлѣба. *Первая группа*, въ которую входятъ 15,9% всего крестьянскаго населенія, представляетъ зажиточный слой, имѣющій значительные запасы хлѣба; можно думать, что этотъ слой покрываетъ полностью свои продовольственные и кормовыя нужды,—слѣдовательно расходуетъ въ собственномъ хозяйствѣ по 26,5 п. зерна на душу (18 п. на продовольствіе, 1 п. на помоль и 7,5 п. на скотъ); избытки хлѣба этой группы поступаютъ въ продажу. *Ко второй группѣ* принадлежатъ 31,8% всѣхъ крестьянъ; это средне-состоятельный слой, только что обеспеченный собственнымъ зерномъ; при нормальныхъ условіяхъ этотъ слой не отчуждаетъ своего хлѣба: за покрытіемъ продовольствія, у него остаются лишь небольшіе запасы (около 4 п. на душу), которые вѣроятно и скармливаются скоту. *Наконецъ третью группу* составляютъ бѣднѣйшіе крестьяне (52,3%), производящіе далеко не достаточное количество хлѣба—по 12,2 п. на душу (сюда входитъ и овесъ). Эта группа крестьянъ, конечно, не выноситъ своихъ продуктовъ на рынокъ. Въ то же время эта группа по бѣдности своей не часто прибѣгаетъ и къ покупкѣ хлѣба, довольствуясь собственными скудными запасами. Пользуясь этими данными, можно съ помощью простого арифметическаго расчета опредѣлить среднее потребление крестьянами хлѣба. Это потребление выразится цифрою въ 18,2 п. (изъ равенства: $15,9 \times 26,5 + 31,8 \times 24 + 52,3 \times 12,2 = 100$ х.). Въ эту цифру входитъ еще плата за помоль—по 1 п. на 18 п. продовольственнаго хлѣба или по 0,8 п. на душу, которые внутри хозяйства собственно не потребляются, такъ что въ дѣйствительности крестьяне расходуютъ въ среднемъ въ годъ на душу всего по 17,4 п. Всѣ эти вычисленія вызвали не мало замѣчаній какъ со стороны оппонентовъ во время преній въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, такъ и въ послѣдующихъ критическихъ статьяхъ (см. *Русскій Вѣстникъ*, № 3, ст. Полѣнова). Для насъ интересно отмѣ-

тить, что 18-ти пудовая душевая продовольственная норма—вычислена лишь теоретически; это такъ сказать идеальная норма, потребная для правильного питанія и развитія человѣческаго организма. Своевременно указывалось авторамъ, что, принимая эту идеальную норму въ основаніе своихъ вычисленій, они слишкомъ далеко отходятъ отъ дѣйствительности; что вопросъ заключается вовсе не въ томъ, какъ долженъ питаться человѣкъ при нормальныхъ условіяхъ, а въ томъ, какъ онъ питается на самомъ дѣлѣ. Этотъ послѣдній вопросъ тщательно разработанъ былъ подѣ впечатлѣніемъ голоднаго 1891 года и опредѣленный отвѣтъ на него данъ былъ г. Фальборкомъ въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Въ результатѣ доклада оказывается, что русскій крестьянинъ хронически не доѣдаетъ, располагая при среднемъ урожаѣ на свои продовольственные нужды около 13 п. хлѣба на душу (см. *Хозяинъ* №№ 9 и 11, ст. г. Земскаго). Нѣсколько позже мы вернемся къ этому вопросу, теперь же покажемъ отмѣтимъ въ памяти приведенныя цифры годового продовольственного душевого пайка.

Вся территория нашего уѣзда 251,230¹/₂ десятинъ распредѣляется на 124,868¹/₂ дес. надѣльной земли и на 126,362 дес. внѣнадѣльной частновладѣльческой и казенной. Изъ числа надѣльныхъ земель подѣ пашней состоитъ 103,000 дес.; при трехпольной системѣ хозяйства изъ надѣла ежегодно идетъ подѣ посѣвъ около 34,500 дес. ржи и столько же яровыхъ.

По статистическимъ изслѣдованіямъ губернскаго земства (обзоръ работъ р—го земства: таблицы урожая) нормальный урожай типической десятины по уѣзду приносить: ржи около 7 четвертей, овса 8 четвертей. Замѣная остальные яровые овсомъ, получаемъ за вычетомъ сѣмянъ слѣдующій нормальный сборъ хлѣба съ надѣльныхъ земель:

34,500 дес. ржи по 6 четв.—	всего 207,000 четв.
34,500 » овса » 6 » — »	207,000 »

Изъ этого годового запаса хлѣба съ надѣльныхъ земель крестьянское населеніе должно прокормиться и внести всѣ лежащія на надѣлѣ повинности. Будемъ продолжать расчетъ: по послѣднимъ свѣдѣніямъ запасъ этотъ поступаетъ на продовольствіе 122,354 человѣка крестьянскаго населенія, постоянно проживающаго дома. Вспомнимъ вычисленія московскихъ экономистовъ и примѣнимъ ихъ душевой паекъ къ нашимъ расчетамъ. Оказывается, что для прокормленія этого населенія, считая по 18,2 пуд. хлѣбовъ (озимаго и ярового) на душу требуется 2.226,832,8 пудовъ, т.-е. будетъ истребленъ весь запасъ ржи и 372,832,8 п. овса.

Такимъ образомъ за покрытіемъ продовольствія въ продажу можетъ поступить около 145,000 четв. овса по среднимъ цѣнамъ послѣднихъ лѣтъ, всего на сумму около 290,000 р. Если замѣнить часть овса другими яровыми, то расчетъ нѣсколько измѣнится и дефицитъ окажется меньшій, но станемъ придерживаться продовольственныхъ нормъ, указанныхъ въ сборникѣ; при замѣнѣ же овса другими яровыми необходимо было бы сдѣлать

и въкоторыя измѣненія въ составныхъ частяхъ душевого продовольственнаго пайка. Понизить общую цифру расходовъ на продовольствіе и повысить запасы можетъ лишь картофель; но сами составители сборника указываютъ, что картофель составляетъ суррогатъ хлѣба (Марессъ). И что же, эта сумма,—можетъ ли она покрыть всё лежащія на надѣльной землѣ повинности.

Беремъ имѣющіяся у насъ подъ руками цифры:

Крестьянскихъ платежей за 1895 г.:	Поземельнаго налога . .	17,022 р.
	Выкупныхъ платежей. .	240,745 »
	Земскаго сбора	38,597 »
	Страховыхъ платежей. .	48,567 »
	Мірскихъ сборовъ . . .	77,569 »
	Въ частн. продов. капит.	21,567 »
	Итого	444,067 р.

Этотъ дефицитъ 154,000 рублей пополняется населеніемъ путемъ обращенія душевого продовольственного пайка; выдѣленіе лишнихъ рабочихъ силъ путемъ переселеній и отхожихъ промысловъ мы уже имѣли въ виду при самомъ началѣ нашихъ вычисленій; поэтому-то нами и принята для расчетовъ цифра крестьянскаго населенія, постоянно проживающаго дома—122,354 человѣка. При расчетахъ же на все приписное населеніе цифра эта должна бы возрасти до 130,145 человѣкъ, а съ отсутствующими въ полномъ составѣ семьями даже до 138,677 человѣкъ.

Профессоръ Исаевъ, указывая на осеннія продажи крестьянскаго хлѣба, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что обстоятельство это извѣстно всѣмъ и каждому. Это обычное явленіе наблюдается повсемѣстно и не только у насъ, въ земледѣльческомъ районѣ, но даже и въ промышленныхъ губерніяхъ, что удостовѣряетъ и г. Марессъ.

Кто хотя приблизительно знакомъ съ способами и системой взысканій крестьянскихъ повинностей, тому достаточно только взглянуть на приведенную нами общую цифру совокупности этихъ повинностей и припомнить, что погашеніе ихъ исключительно почти производится въ теченіе 3-хъ-4-хъ мѣсячнаго періода (сентябрь—декабрь), и онъ вполне убѣдится, что платежи исключительно выручаются отъ продажи хлѣба.

Въ самомъ дѣлѣ, приведемъ цифры поступленій казенныхъ сборовъ съ крестьянскихъ обществъ даннаго уѣзда хотя бы за 1896 годъ.

Къ 1 января 1896 года состояло за обществами недоимокъ и оклада:	Поземельнаго налога. .	17,312 р.
	Выкупныхъ платежей. .	423,410 »
Къ 1 февраля состояло:	Поземельнаго налога. .	17,312 »
	Выкупныхъ платежей. .	422,019 »
Къ 1 марта	» Поземельнаго налога. .	17,312 »
	Выкупныхъ платежей. .	421,955 »

Еъ 1 апрѣля состояло:	Поземельнаго налога. .	17,312 г.
	Выкупныхъ платежей. .	421,644 »
Еъ 1 мая	» Поземельнаго налога. .	17,312 »
	Выкупныхъ платежей. .	353,095 »
Еъ 1 іюня	» Поземельнаго налога. .	17,311 »
	Выкупныхъ платежей. .	353,095 »
Еъ 1 іюля	» Поземельнаго налога. .	17,311 »
Еъ 1 января 1897 г.:	Поземельнаго налога. .	208 р.
	Выкупныхъ платежей. .	113,830 »

Примѣч.: 70,000
р. выкуп. недоим.
отсроч. за пре-
дѣлы выкупа по
закону 7 февр.
1894 года.

Какъ видимъ, всё поступленія падаютъ только на осенній періодъ.

Провѣримъ нашу мысль другими цифрами о количествѣ отправленнаго за 1895 годъ зерна съ желѣзнодорожныхъ станцій Р—го уѣзда.

Со станціи К. отправлено:	Муки ржаной. . .	443 вагона.
	Овса	231 »
	Ржи	114 »
Со станціи Р.	» Муки ржаной и ржи. .	960 »
	Овса.	1,989 »
Со станціи У.	» Муки ржаной и ржи. .	655 »
	Овса.	1,088 »
Итого отправлено:	Ржи и ржаной муки. .	2,172 »
	Овса.	3,308 »

Или 1.325,000 пудовъ ржи и 2.018,000 пудовъ овса.

Какая часть этого хлѣба принадлежитъ владѣльцамъ и какая надѣльной землѣ, вычислить трудно; стоитъ только вспомнить, что подъ пашней по уѣзду состоитъ всего 75,000 десятинъ земли частно-владѣльческой. При трехпольной системѣ хозяйства 25,000 десятинъ идетъ подъ посѣвъ ржи и 25,000 десятинъ подъ яровые; урожай 1895 г. за вычетомъ сѣмянъ принесъ въ среднемъ съ десятины ржи—6,6 четвертей и съ десятины овса—до 5 четвертей; всего слѣдовательно собрано съ земель владѣльческихъ до 1.484,000 пуд. ржи и до 750,000 пуд. овса. Отчисляя отсюда на годовое продовольствіе населенія постоянно проживающаго на владѣльческихъ земляхъ (по послѣднимъ даннымъ 8,871 человекъ) примѣнительно къ нормѣ Маресса для первой группы зажиточнаго крестьянскаго населенія по 26,5 п. на душу (18 п. на продовольствіе, 1 п. на помолъ и 7,5 п. на кормъ скота) всего 235,081,5 п. ржи, получаемъ свободный для продажи излишекъ: до 1.250,000 п. ржи и до 750,000 п. овса.

Очевидно, что остальной отправленный по желѣзнымъ дорогамъ хлѣбъ снятъ съ надѣльныхъ земель; до 75,000 п. ржи и до 1.250,000 п. овса.

Намъ могутъ возразить, что вычисленія эти врядъ ли вполне точны, такъ какъ никто не можетъ поручиться, что отправленный по желѣзнымъ

дорогамъ хлѣбъ снять именно съ земель даннаго, а не сосѣднихъ уѣздовъ. Конечно, поручиться за это нельзя, но думается мнѣ, что при массовыхъ цифровыхъ вычисленіяхъ ошибка эта врядъ ли будетъ существенна; если на наши желѣзнодорожныя станціи попадаетъ хлѣбъ сосѣднихъ уѣздовъ, то вѣдь и нашъ хлѣбъ также ускользаетъ отъ насъ на сосѣднія станціи. Какъ хлѣбные рынки, такъ и желѣзнодорожные подвозные пункты создаются самой жизнью по законамъ строгой равномерности и необходимости; районы прилегающихъ къ этимъ пунктамъ мѣстностей крайне уравнированы и мы не видимъ основаній, почему подвозъ хлѣба на наши станціи являлся бы исключительнымъ среди сосѣднихъ уѣздовъ.

Вспомнимъ, что нѣсколько ранѣе мы опредѣлили дефицитъ съ надѣльных земель на пополненіе текущихъ платежей въ 154,000 рублей въ годъ. Мы предположили, что дефицитъ этотъ крестьянское населеніе поднимаетъ изъ своихъ продовольственныхъ пайковъ. Теперь продолжимъ наши предположенія: если крестьянское населеніе сократитъ свое потребление на тѣ самые 75,000 пудовъ ржи, которые являются отправленными по желѣзнымъ дорогамъ сверхъ хлѣба владѣльческаго, и кромѣ того принесетъ на рынокъ весь свой урожай овса безъ остатка (т.-е. всѣ 207,000 четвертей), то мы увидимъ, что такой операціей, при существовавшей средней цѣнѣ 2 руб. четверть овса и 3 рубля четверть ржи, весь дефицитъ покрывается полностью. А если это такъ, то не въ правѣ ли мы утверждать, что предположенія наши были вѣрны?

За продажей всего запаса овса и 75,000 пудовъ ржи на продовольствіе 122,354 душъ крестьянскаго населенія остается 1.779,000 пудовъ ржи или *14,5 пудовъ на душу*, а за отчисленіемъ 0,8 пудовъ съ души на помоль—*13,7 пудовъ на душу*. Въ дѣйствительности и эта цифра должна быть нѣсколько понижена, такъ какъ мы въ вычисленіяхъ своихъ исходили отъ данныхъ нормальнаго урожая, между тѣмъ хроническая недоимочность сельскихъ обществъ, какъ результатъ годовъ хлѣбныхъ недоборовъ, сдѣлалась явленіемъ обыденнымъ и повсемѣстнымъ: за послѣдніе года сельскія общества съ недоимками менѣе годового оклада являются счастливыми исключеніями и не вызываютъ даже заботъ объ устраненіи такихъ недоимокъ путемъ отсрочекъ ихъ или иными какими-либо способами. Недоимки эти въ урожайные годы подлежатъ погашенію и онѣ дѣйствительно погашаются, конечно, за счетъ все того же 13-ти пудового пайка.

Но оставимъ въ сторонѣ недоимочность уѣзда; предположимъ, что всѣ недоимки погашены, что урожай ежегодно нормальные и что крестьянское населеніе дѣйствительно потребляетъ по 13,7 пудовъ хлѣба на душу. Профессоръ А. И. Чупровъ полагаетъ, что аргументъ относительно убыточности осеннихъ продажъ крестьянскаго хлѣба разлетается какъ дымъ при правильномъ примѣненіи самыхъ первоначальныхъ правилъ ариметики. «Не безразлична ли для крестьянина цѣна хлѣба,—говоритъ уважаемый профессоръ,—если сумма переплаты за него при весеннихъ закупкахъ есть

величина точная и неизмѣнная при всякихъ цѣнахъ на хлѣбъ, конечно, при равныхъ прочихъ условіяхъ?» Мнѣ представляется выраженіе это не вполне основательнымъ и думается, что первоначальными правилами ариѳметики врядъ ли возможно разрѣшать сложныя экономическія явленія, а тѣмъ менѣе соціальныя проблемы. Еслибы вопросъ былъ настолько простъ, какъ его представляетъ намъ профессоръ Чупровъ, тогда становится непонятной вообще вся эта операція съ осенней распродажей и новой весенней закупкой того же самаго хлѣба по возвышеннымъ уже цѣнамъ. Къ чему крестьянину дѣлать эту непроизводительную переплату?

Редакторы сборника упустили изъ вида одно важное обстоятельство: проданное количество зерна никогда не возвращается къ крестьянину въ прежнемъ размѣрѣ: на это, также какъ и на уплату денежныхъ повинностей, у него нѣтъ средствъ и крестьянинъ сокращаетъ свой паекъ до *minimum*'а и замѣняетъ зерно суррогатами. Данныя объ отпавкѣ по желѣзнымъ дорогамъ хлѣба какъ нельзя лучше подтверждаютъ нашу мысль: продовольственный хлѣбъ никогда не ушелъ бы изъ предѣловъ даннаго района, еслибы предвидѣлся мѣстный на него спросъ. Послѣдователямъ системы натурального хозяйства, казалось бы, естественнѣе было стремленіе предоставить въ распоряженіе крестьянина количество зерна, достаточное для нормальнаго питанія организма, чему далеко не удовлетворяетъ паекъ въ размѣрѣ 13,7 пуда на душу. Такимъ образомъ, съ цифрами въ рукахъ мы можемъ уже судить, насколько примѣнимы къ нашей мѣстности слова профессора Чупрова: «Не на хлѣбѣ развиваются денежные отношенія крестьянскаго хозяйства. Различныя промысловыя занятія, выручки отъ продуктовъ скотоводства и огородничества и другихъ статей даютъ ему несравненно большую долю его дохода денежнаго, нежели продажа хлѣба».

Разъ установлена связь хлѣба крестьянскаго производства съ хлѣбными рынками, разъ установлено, что крестьянское населеніе для покрытія текущихъ повинностей обязательно распродаетъ свои хлѣбные запасы, тогда не можетъ быть никакого уже сомнѣнія, что и крестьянское населеніе несетъ убытки отъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Этотъ отвѣтъ дѣйствительно подсказывается примѣненіемъ первоначальныхъ правилъ ариѳметики: пока цѣна на овесъ стоитъ 2 рубля четверть, запасовъ овса является для крестьянъ недостаточнымъ на покрытіе всѣхъ повинностей, падающихъ на надѣлъ; крестьянинъ вывозитъ на рынокъ и скудные свои запасы ржи. Но пусть цѣна овса поднимется хотя на 15 копеекъ въ четверти и крестьянину не за чѣмъ трогать своихъ ржанныхъ запасовъ. Поднимись цѣна еще выше и у крестьянина останутся даже сбереженія овса; при извѣстной комбинаціи цѣнъ и хлѣбныхъ запасовъ не трудно подыскать балансъ, когда хлѣбъ съ надѣльныхъ земель покроетъ не только всѣ повинности, но дастъ крестьянину и нормальное питаніе. Къ этой комбинаціи мы вернемся нѣсколько позднѣе.

Спасеніе крестьянскаго населенія отъ бѣдствій безденежья профессоръ

Чупровъ находитъ въ натуральномъ хозяйствѣ. Нельзя не признать, что представленіе это въ данномъ случаѣ является утопіей. Чтобы принципъ натурального хозяйства нашелъ выраженіе въ крестьянскомъ быту, необходимо еще одно условіе *sine qua non*, а именно, чтобы органы фиска были проникнуты тѣмъ же самымъ принципомъ. Еслибы фискальное наше законодательство признало хлѣбные продукты надѣльныхъ земель имуществомъ неотчуждаемымъ, вотъ тогда могъ бы возникнуть вопросъ о натуральномъ хозяйствѣ; теперь же, при данныхъ условіяхъ финансовой нашей системы, заботы крестьянскаго населенія сводятся не къ натуральному или денежному хозяйству, а лишь къ дневному пропитанію.

Никто не станетъ спорить, что потребленіе хлѣбныхъ продуктовъ собственнаго производства являлось бы истиннымъ благополучіемъ для владѣльцевъ надѣльныхъ земель, но вѣдь мечты и дѣйствительность — большая разница. Рационально было бы принять мѣры къ тому, чтобы населеніе имѣло возможность потреблять достаточное количество пищи, а для этого главнымъ образомъ и прежде всего необходимо ослабить *податную систему*. Здѣсь — начало всѣхъ экономическихъ мѣропріятій; натуральное же хозяйство явится лишь естественнымъ послѣдствіемъ.

Въ сборникѣ вычислено, что при среднемъ урожаѣ на рынокъ попадаетъ отъ одной четверти до одной трети собраннаго въ Европейской Россіи зерна: 310 милліоновъ изъ 1,700 милліоновъ пудовъ; при этомъ въ основаніе вычисленій положена 18-ти пудовая норма душевого потребленія хлѣба. Мы знаемъ, что и эта пониженная норма потребленія въ жизни крестьянъ является завиднымъ удѣломъ немногихъ. Но представимъ себѣ на мигъ, что, благодаря ослабленію податныхъ тягостей, крестьянское наше населеніе настолько простираетъ свое благоденствіе, что не только сытно питается само, но и сытно кормитъ свой скотъ. Припоминаемъ, что по вычисленіямъ Маресса, для такого благополучія необходимо расходовать по 26,5 пудовъ на душу (первая группа состоятельныхъ крестьянъ). Изъ равенствъ:

Х: 1390 милліоновъ (т.-е. 1700 милліоновъ пудовъ—310 мил.)=26,5: 18,2 мы получаемъ, что при такомъ питаніи нашихъ годовыхъ запасовъ хлѣба—1,700 милліоновъ пудовъ—не хватило бы для населенія Европейской Россіи.

Обратимся къ цифрамъ по нашему уѣзду: при 26,5 пудовомъ пайкѣ на годовое продовольствіе постояннаго крестьянскаго населенія потребовалось бы 3.242,381 пудъ хлѣба. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при такомъ благоденствіи населенія всѣ тѣ его элементы, которые теперь разбредлись въ поискахъ заработковъ, вернулись бы къ землѣ; на продовольствіе этихъ 8,000 душъ (приписного населенія 130,000 человекъ слишкомъ) потребовалось бы еще 212,000 пудовъ хлѣба (да на продовольствіе населенія проживающаго на владѣльческихъ земляхъ ежегодно требуется 235,000 пудовъ хлѣба). Мы знаемъ, что средній урожай надѣльныхъ земель даетъ 3.096,000 пудовъ хлѣба. Слѣдовательно сверхъ этого хлѣба

для всего населенія уѣзда было бы потребно еще около 600,000 пудовъ, т.-е. болѣе, чѣмъ четвертая часть всего владѣльческаго урожая. Еслибы подобное крестьянское благополучіе было достигнуто, то хлѣбные рынки не только не запруживались бы хлѣбомъ съ надѣльныхъ земель, появляющимся одновременно и цѣлой массой, но и болѣе чѣмъ въ четвертой части своихъ запасовъ были обеспечены мѣстнымъ спросомъ. А изъ вычисленій сборника не очевидно ли съ поразительной ясностью, что русское земледѣліе въ огромной пропорціи избавилось бы отъ иноземнаго спроса?

Итакъ, не въ натуральномъ хозяйствѣ заключается благо русскаго земледѣльца и не въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, а въ пониженіи до крайняго предѣла отягощающихъ его налоговъ. Низкія хлѣбныя цѣны крестьянину не идутъ на пользу: расшатывая до самаго основанія весь строй нашего землевладѣнія, онѣ въ значительной степени добиваются и исконаго нашего земледѣльца-плательщика.

Пониженіе налоговъ, какъ видимъ, могло бы имѣть чрезвычайныя послѣдствія для всего русскаго народнаго хозяйства: повышая экономическое благосостояніе крестьянъ, оно неизбѣжно повысило бы мѣстное потребленіе и мѣстный спросъ на земледѣльческіе продукты, а тѣмъ самымъ и мѣстныя цѣны; освободило бы русскій хлѣбъ отъ условій спроса иноземныхъ рынковъ и спасло бы отъ окончательнаго разоренія русское сельское хозяйство.

Нѣсколько ранѣе мы указывали, что за покрытіемъ потребности въ сѣменахъ и продовольствіи, считая по 18,2 пуда на душу, у крестьянъ нашего уѣзда остается для продажи излишекъ овса при среднемъ урожаѣ около 145,000 четвертей. Этимъ продажнымъ овсомъ должны быть покрыты всѣ текущія повинности въ размѣрѣ 444,000 рублей. Возможность эта является лишь при цѣнѣ овса не ниже 51 к. пудъ. Очевидно, чѣмъ выше будетъ подниматься цѣна овса, тѣмъ большее количество чистой прибыли получить крестьянинъ съ надѣла. Слѣдовательно для крестьянскаго населенія въ его цѣломъ о выгодахъ, сопряженныхъ съ низкими цѣнами на хлѣбъ, не можетъ быть и рѣчи. Примѣняя распредѣленіе крестьянскаго населенія по группамъ, указанное Л. Марессомъ, на группы: зажиточныхъ крестьянъ, крестьянъ средне-состоятельныхъ и крестьянъ бѣднѣйшихъ, и помня потребленіе хлѣба этими группами, 26,5 пудовъ, 24 пуда и 12,2 пуда на душу, мы видимъ, что ниже средняго по всему уѣзду потребленія на душу—13,7 пуд., стоитъ лишь третья группа бѣднѣйшихъ крестьянъ; для первыхъ двухъ группъ, вывозящихъ избытки зерна на рынокъ, низкія цѣны идутъ въ прямой ущербъ ихъ хозяйству. Тѣмъ не менѣе эти группы, какъ болѣе обеспеченныя продовольствіемъ, при низкихъ цѣнахъ не терпятъ такихъ бѣдствій, которыя суждены группѣ бѣдняковъ: на уплату повинностей у нихъ имѣются хлѣбные запасы, составляющіе излишки противъ минимальнаго количества хлѣба, потребнаго для ихъ годового продовольствія. Осеннія продажи хлѣба на уплату повинностей—истинный бичъ бѣдняковъ; для этой группы крестьянъ злобу дня составляетъ не

тотъ вопросъ, съ какого именно времени наступить для нихъ убыточный періодъ весенней закупки хлѣба, распроданнаго осенью, и сколько именно рублей или копеекъ потеряютъ они на этой покупкѣ; нѣтъ, вопросъ лишь въ томъ, съ Рождества, или съ Масляницы перейдутъ они на пропитаніе впроголодь, перейдутъ на суррогаты хлѣба; въ ихъ интересахъ протянуть запасы собственнаго хлѣба какъ можно дольше, и чѣмъ ниже стоитъ на рынкѣ цѣна хлѣба, тѣмъ меньше останется запасовъ въ ихъ закромахъ.

Профессоръ Чупровъ, возражая г. Исаеву, говоритъ, что сумма переплаты при весеннихъ покупкахъ хлѣба, проданнаго осенью, величина постоянная, нисколько не зависящая отъ цѣны хлѣба (конечно, при равныхъ прочихъ условіяхъ). Но въ такомъ случаѣ тотъ же самый аргументъ можно привести и вообще за всю эту операцію осенней распродажи хлѣба, ибо и здѣсь цѣна хлѣба не имѣетъ ровно никакого значенія съ чисто-арифметической точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ третью группу крестьянъ съ запасомъ 12 пудовъ на душу и станемъ считать. Положимъ, что приходится заплатить съ души 3 рубля повинностей: при цѣнѣ хлѣба 30 коп. пудъ, надо продать 10 пудовъ запаса; остающіеся 2 пуда хватятъ не болѣе какъ на 2 мѣсяца; слѣдовательно, остальные 10 мѣсяцевъ придется покупать по 1 пуду въ мѣсяць по 30 к. пудъ, итого затратить 3 рубля. Станемъ считать далѣе: при цѣнѣ 50 коп. пудъ, нужно продать 6 пудовъ запаса и покупать хлѣбъ 6 мѣсяцевъ по 50 коп. пудъ=3 рубля; при цѣнѣ 75 к. пудъ покупать 4 мѣсяца по 75 к. пудъ; наконецъ, при цѣнѣ 1 руб. пудъ—покупать 3 мѣсяца по 1 рублю за пудъ; сумма стоимости покупаемаго, какъ и продаваемаго хлѣба вездѣ равна 3 рублямъ; сумма же переплаты, какъ доказано профессоромъ Чупровымъ, также не имѣетъ связи съ цѣною хлѣба. Отъ всѣхъ этихъ арифметическихъ выкладокъ, также какъ и отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, бѣдняку нисколько не легче; въ дѣйствительности этихъ трехъ рублей у него нѣтъ и не будетъ ни въ октябрѣ, ни въ декабрѣ, ни въ слѣдующемъ году; весь вопросъ для него заключается лишь въ томъ: съ октября, съ декабря или съ слѣдующаго года переходить ему на мякинный хлѣбъ.

Итакъ, пока крестьянинъ нашъ силою вещей вынужденъ превращать свои хлѣбные запасы въ денежные знаки для покрытія своихъ денежныхъ повинностей,—низкія цѣны на хлѣбъ для него истинное зло и забота о нормальномъ питаніи путемъ натурального хлѣбнаго хозяйства при нынѣшней налоговой системѣ—преждевременна.

А потому стремленіе заглушить вопли сельскихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ неосновательно: вопли эти—крикъ наболѣвшаго сердца, объятаго ужасами неминуемой нищеты, въ непосильной, неравной борьбѣ за существованіе. Отъ разоренія землевладѣльцевъ не выигрываетъ ни одинъ крестьянинъ-земледѣлецъ и закрывать глаза на агонію русскаго сельскаго хозяйства было бы безпримѣрной ошибкой во всей исторіи нашей экономической политики.

Новая книга А. Шахова *).

Намъ приходилось уже говорить **)) объ историко-литературномъ методѣ Шахова по поводу появившагося въ прошломъ году перваго курса его лекцій: «Гёте и его время». Главные приемы его изслѣдованія нашли блестящее примѣненіе и въ вышедшемъ недавно второмъ курсѣ лекцій, посвященныхъ французской литературѣ въ началѣ текущаго столѣтія. Авторъ остался вѣренъ тому пониманію исторіи литературы, которое онъ высказалъ въ своемъ первомъ трудѣ. Постигнуть міровоззрѣніе извѣстной эпохи, выдѣлать его при помощи литературныхъ произведеній, указать взаимную связь этихъ послѣднихъ съ породившей ихъ историческою обстановкой—такова основная цѣль изслѣдователя. Для достиженія этой цѣли необходимо быть прежде всего біографомъ и психологомъ, необходимо умѣнье отдѣлать въ произведеніи писателя личный элементъ отъ тѣхъ, въ которыхъ отразились воззрѣнія времени. Далѣе Шаховъ искусно пользуется не только художественными, но и научными и философскими произведеніями для болѣе яркаго освѣщенія современныхъ имъ идей и понятій общества. Однимъ изъ любимыхъ приемовъ талантливаго ученаго является сравнительное изученіе воззрѣній данной эпохи съ воззрѣніями предшествовавшихъ столѣтій; этотъ приемъ лучше всего удается автору, и, благодаря частымъ сравненіямъ, роль избраннаго авторомъ періода въ исторіи культурнаго развитія европейскаго общества выступаетъ особенно рельефно передъ читателемъ.

Но если приемы изслѣдованія остались тѣ же, то самая литературная эпоха, которой посвященъ второй курсъ, обусловила различіе между обоими трудами. Нѣмецкую литературу второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія удобно было изучать, поставивъ въ центрѣ писателя, который «на все отзывался сердцемъ своимъ, что просить у сердца отвѣта». Произведенія Гёте передали въ художественной обработкѣ не только всѣ главныя идеи вѣка, но даже всѣ оттѣнки воззрѣній, всѣ незначительныя колебанія и сомнѣнія, которыя переживало современное нѣмецкое об-

*) А. Шаховъ: „Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX столѣтія“. Лекціи по исторіи франц. лит., читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1898 г. Изд. 2-ое.

**) „Русскій ученый школы Тана“. *Русская Мысль*, декабрь 1897 г.

